

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОНСТИТУЦИИ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ СВОЙСТВА ГОСУДАРСТВ

Евгения Юртаева

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 14 января 2019 <i>Принята к печати:</i> 20 мая 2019</p>	<p>Аннотация: В статье представлен анализ политической ценности и социального назначения конституций как результата исторической эволюции государств и способа фиксации перспектив политического и общественного развития. В частности, ставятся вопросы о сущности конституционного акта в авторитарных государствах и о его социальном восприятии. Обстоятельному разбору подвергаются конституционные характеристики правового и социального государства, и оценивается их значение либо как принципа, высшей ценности или национальной идеи политического развития, либо как конституционной юридической нормы. Автор обращает внимание на то, что порозному формулируемые конституционные положения в целом не порождают в конституционно-правовой практике государств отличий концептуального свойства. Замечено также, что не всякое государство, которое реально и повседневно обеспечивает верховенство закона и признает имманентной обязанностью государства гарантирование безусловного базового дохода как гарантии достойной жизни граждан, проявляет стремление именовать себя в собственной конституции правовым и социальным. Немаловажный показатель прогрессивного политико-правового развития автор видит в устойчивости конституции и законодательства государства. Автор считает, что имеется гораздо больше юридических оснований характеристики государства как правового и социального фиксировать в конституциях как принципы – организационные идеи для создания соответствующих условий, а не как конституционные нормы.</p>
<p>Об авторе: доцент, кафедра теории государства и права им. Г.В. Мальцева, Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС e-mail: yurtaeva-ea@ganepa.ru</p>	
<p>Ключевые слова: конституционный акт; конституционный правопорядок; правовая личность; идеалы права; правовое государство; социальное государство; демократия; устойчивость конституции; фактический смысл конституции</p>	

В политической жизни современных государств поддерживается сложившаяся еще в начале Нового времени установка на то, что нормативное закрепление основ государственной власти осуществляется в разновидности учредительных законов с особой юридической силой. Хотя в большинстве государств для таких законов сейчас применяется унифицированное наименование конституции или основного закона, наличие какой-либо общей консолидированной формы для акта, имеющего высшую юридическую силу, не предполагается¹.

Конституции современных государств – это свидетельство уникального исторического опыта стран и народов, это закономерный результат избранной политико-социальной альтернативы, это юридически обобщенный способ определения перспектив развития нации.

тия Конституции Финляндии 11 июня 1999 г.) состояла из четырех основных законов – Форма правления Финляндии (1919 г.), Устав Парламента (1928 г.), Закон о государственном суде (1922 г.), Закон о праве Парламента проверять действия членов Государственного совета, Канцлера юстиции при Государственном совете и Омбудсмана при Парламенте при исполнении ими своих полномочий (1922 г.). Основным законом в государствах, где государственной религией признан ислам, считается Коран.

¹ Например, конституцию Великобритании составляют статутные акты парламента о сущности содержания власти, судебные прецеденты и правовые обычаи, а конституция Финляндии до недавнего времени (до приня-

Конституции призваны определять устройство высших органов государственной власти, а также пределы государственного вмешательства в регулирование публичных прав граждан². «Общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции», – было зафиксировано еще во времена Великой Французской революции³.

Однако правовой смысл конституции, несмотря на кажущуюся очевидность ее политической ценности и социального назначения, является неоднозначным хотя бы потому, что наличие конституции возможно и в государствах с авторитарными политическими характеристиками. Основные законы исторически существовали и регулировали круг ключевых для политического устройства общественных отношений и в условиях авторитарной государственной власти. Высказывается мнение, что «некоторые способы принятия конституций даже формально не влекут за собой легализацию государственной власти»⁴, относя к таковым, в частности, октроированные монархами конституции. Эти конституции, по утверждению автора, не имеют такого свойственного всякой конституции признака, как уважение к авторитету власти, выражаемое народом государственному лидеру не только исходя из иррацио-

нальных настроений и инстинктов, но опираясь на политический и гражданский опыт. Однозначно поддержать такой взгляд не представляется возможным. История создания и действия Основных государственных законов в Российской Империи – тому наглядный пример⁵. Применительно к императорской России даже юридически вполне корректно говорить о власти, имеющей в глазах населения не только исторический, традиционный, освященный религиозным опытом авторитет. Глава императорского дома в продолжение многих правлений сохранял свойства и качества кумира, который идентифицировался с Отчиной – Отечеством, Родиной, а то и с жизнью⁶.

Как показывает российская история, прерогативы авторитарного правителя здесь ограничивали не законы: ограничителем власти всегда выступала личность. Политические полномочия главы государства в разные исторические периоды ограничивались образом жизни народов, продиктованным их правовой культурой: желанием и способностью общества и его членов жить помимо и «вне» государства, а совсем не носительством «прав и обязанностей»⁷.

² См.: Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. – М., 1993. – С. 81. [Chetvernin, V.A. Demokratischeskoe konstitutsionnoe gosudarstvo: vvvedenie v teoriyu (Democratic Constitutional State: an Introduction to the Theory). Moscow, 1993. P. 81.]

³ См.: Статья 16 Декларации прав человека и гражданина / Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В.Н. Садиков; под ред. проф. З.М. Черниловского. – М., 1994. – С. 207. [Stat'ya 16 Deklaratsii prav cheloveka i grazhdanina (Article 16 of the Declaration of the Rights of Man and the Citizen) / Khrestomatiya po vseobshchey istorii gosudarstva i prava / Comp. by V.N. Sadikov; Ed. by Z.M. Chernilovsky. Moscow, 1994. P. 207.]

⁴ Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. – 1995. – № 8. – С. 70. [Chirkin, V.E. Legalizatsiya i legitimatsiya gosudarstvennoi vlasti (Legalization and Legitimation of State Power) // Gosudarstvo i pravo, 1995, No. 8, p. 70.]

⁵ Укажем между прочим, что заголовок «Основные государственные законы» оказался предпочтительнее «конституции» не столько по политическим причинам: наименование «конституция» для основополагающего государственного закона в России в XVIII-XIX вв. не воспринималось так однозначно, как, например, в начале XX в. В России времен Александра I и М.М. Сперанского и даже позднее понимание конституции не было связано с какими-либо атрибутами гражданского общества или правового государства.

⁶ Полные действительного смысла лозунги «За царя!», «За Отечество!» послужили своеобразным «прототипом» для лозунгов более позднего времени, аналогичных по звучанию, но имевших совершенно иное происхождение и назначение.

⁷ См.: Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России). – М., 2013. – С. 286. [Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: ot obraza budushchego k real'nosti (k 20-letii Osnovnogo Zakona Rossii) (The Constitution of the Russian Federation: from the Image of the Future to Reality: to the 20th Anniversary of the Russian Basic Law). Moscow, 2013. P. 286.]

Это – уникальное свойство политической жизни в России, неизвестное и непонятное для других государств. Характер совершенно особого рода социальной связи между властью и российским гражданином (породившим, кстати, особый социальный класс – интеллигенцию) выразил А.С. Пушкин в своем дневнике: «Я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у Царя Небесного»⁸. Однако нужно согласиться, что создание политико-правовых условий для воспитания идеала «правовой» личности – «личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими»⁹, по-прежнему актуально.

Похожим образом обстоят дела с поиском общенормирующего смысла в конституционных формулировках об иных свойствах государства. Упоминание о России как о правовом и о социальном государстве включено в текст Конституции Российской Федерации 1993 года. Но не только введенное впервые нормативное определение российского государства как правового и социального пробудили интерес к данной проблематике. Концепции правового, социального государства широко представлены в исследованиях; разнообразие мнений демонстрируют и современники, и исследователи предшествующих эпох. Причем идеалами проповедников разных взглядов на правовое и социальное государство служат как примеры, где политико-экономическое функционирование государств основывается исключительно на праве частной собственности и допускает использование совершенно разных форм привлеченного труда, так и примеры

государств, которые практикуют обобществление труда и собственности.

Правовое государство с точки зрения политической и правовой наук служит отражением такого состояния государственного и общественного развития, при котором демократическая конституция и правовые законы «связывают» и «ограничивают» государство, а в содержании законов преобладают идеи нравственности, материализуются общепринятые в цивилизованных отношениях нормы и демократические ценности, оптимально сочетаются принципы права и социальная нацеленность¹⁰.

Современные государства независимо от избранной политической или экономической модели развития нередко используют определения государства как правового и социального в текстах своих конституций, руководствуясь различными соображениями. Например, в конституциях постсоветских стран использование таких прилагательных служило главным образом указанием на цели проводившихся в 90-е гг. XX в. реформ: создание цивилизованного современного общества с развитыми демократическими политическими институтами и с экономическими отношениями, базирующимися на рыночных принципах. Ожидалось, что провозгласив нацеленность на достижение таких социальных идеалов и учредив некоторое количество демократических политических институтов, государства неизбежно приобретут сподвижников в лице автоматически изменивших свое поведение граждан. Тогда, в начале 90-х гг. XX в., постановка вопроса о социальном, правовом государстве как юридической норме конституции сулила достижение общественного консенсуса для преодоления последствий кризисного положения в

⁸ Пушкин А.С. Дневник 1833-1835 гг. / Полн. собр. соч. В 17 т. Т. 12. – М., 1996. – С. 329. [Pushkin, A.S. Dnevnik 1833-1835 gg. (Diary of 1833-1835) / Poln. sobr. soch. Vol. 12. Moscow, 1996. P. 329.]

⁹ Кистяковский Б.А. В защиту права. (Интеллигенция и правосознание) / Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. – М., 2007. – С. 177. [Kistiakovskii, B.A. V zashchitu prava. Intelligentsiia i pravosoznanie (In Defense of the Law. Intellectuals and Sense of Justice) / Vekhi: Sbornik statey o russkoy intelligencii. Moscow, 2007. P. 177.]

¹⁰ См.: Нерсесянц В.С. Конституционная модель российской правовой государственности: опыт прошлого, проблемы и перспективы // Правовое государство, личность, законность. – М., 1997. – С. 13. [Nersesiants, V.S. Konstitutsionnaia model' rossiiskoi pravovoi gosudarstvennosti: opyt proshlogo, problemy i perspektivy (The Constitutional Model of the Russian Legal Statehood: Past Experience, Problems and Prospects) // Pravovoe gosudarstvo, lichnost', zakonnost'. Moscow, 1997. P. 13.]

экономике, замещения в обществе идеологического и нравственного вакуума.

Вообще создание образа государства в его конституции – это задача не только для научных изысканий; она имеет важное практическое значение. От того, каким государство предстает перед гражданами в основном законе, во многом зависит и последующее реализующее нормы конституции поведение граждан, и его итог – реальное состояние государства. Этим объясняется включение прогрессивных демократических и гуманистических характеристик в конституции. Использованные в нормативном тексте определения «правовое» и «социальное», примененные к государству, превращают его из абстракции в весьма значимую социальную креатуру с абсолютно определенной аксиологической ориентацией. Кроме того, демократические политико-правовые характеристики государства выступают определяющим фактором при принятии конституций на референдумах. Внешняя привлекательность декларируемых конституцией идей весьма существенна для населения, и от того, насколько положительным будет ее «отражение» в сознании граждан¹¹, зависит результат голосования по проекту конституции. Поэтому в принятых на референдумах конституциях, как правило, упоминается о демократических социальных ценностях, равенстве, справедливости, плюрализме¹².

Социальное и правовое государство закрепляются в действующих конституциях государств либо как принцип и высшая ценность политического развития, либо как конституционная юридическая норма¹³.

¹¹ См.: Ковлер А.И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. – М., 1997. – С. 32. [Kovler, A.I. Krizis demokratii? Demokratii na rubezhe XXI veka (The Crisis of Democracy? Democracy at the Turn of the XXI Century). Moscow, 1997. P. 32.]

¹² Таковы, например, конституции Ирландии 1937 г., Испании 1978 г., Литвы 1992 г., Российской Федерации 1993 г.

¹³ Ср.: Алешкова И.А., Власова Т.В. Конституционное предписание как правовая категория // Государство и право. – 2018. – № 6. – С. 85-86. [Aleshkova, I.A.; Vlasova, T.V. Konstitutsionnoye predpisanie kak pravovaia kategoriia (The Constitutional Regulation as a Legal Category) // Gosudarstvo i pravo, 2018, No. 6, pp. 85-86.]

Следование принципам правового и социального государства закрепили в своих конституциях, например, Болгария (1991 г.), Испания (1978 г.), Румыния (1991 г.), Швейцария (1999 г.)¹⁴.

Как юридическая норма обозначение государства как социального и правового включено в конституции Республики Беларусь (1994 г.), Венесуэлы (1999 г.), Республики Польша (1997 г.), Португальской Республики (1976 г.), Республики Словения (1991 г.), Южно-Африканской Республики (1996 г.), в Основной закон для Федеративной Республики Германии (1949 г.). Похожие формулировки конституционных норм о государстве встречаются в виде иных сочетаний: «правовое, суверенное, унитарное и неделимое, децентрализованное, светское и демократическое» (Конституция Конго 2015 г.), «суверенное и независимое, демократическое, социальное, правовое государство» (Конституция Украины 1996 г.), «неделимое, светское, демократическое и социальное» (Конституция Франции 1958 г.), «правовое, социальное, демократическое, суверенное, независимое» (Конституция Республики Эквадор 2008 г.).

Если закрепление в виде принципов позволяет оценивать правовое и социальное государство как ценностный ориентир для перспективного развития страны, то сформулированные как конституционные юридические нормы они буквально означают, что построение политических и общественных отношений в государстве осуществляется во исполнение соответствующих положений как строгих юридических – общеобязательных нормативных – правил. Вместе с тем, как показывает практика конституционного строительства, разница в формулировках не создает концептуальных различий в конституционно-правовой картине государства, поскольку в большинстве случаев все эти положения реализуются не как юридические нормы, а как организационные идеи нравственной направленности для создания соответствующих условий

¹⁴ Здесь и далее тексты конституций приводятся по сайту: Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/>

для существования государства и общества. Кроме того, общеизвестным также является то, что не всякое государство, где верховенство закона давно служит повседневной нормой как политической, так и общественной жизни, а деятельность органов государственной власти обеспечена реальным механизмом взаимных сдержек при беспрекословном авторитете судебных органов, обязательно поименовано в собственной конституции правовым (или социальным).

Идея конституционного закрепления идеалов правовой и социально ориентированной организации зиждется на том, что нормы конституции как ориентир политического развития общества опережают реальный уровень развития социальной системы, экономических отношений, общественной психологии. Следует согласиться, что в современных конституциях многих государств демократия, как и правовое государство, представлены не как завершенный правовой концепт, а «лишь в отдельных, основных чертах как необходимая база для регулирования деятельности демократического строя и обеспечения в соответствии с Конституцией основы и структуры этого строя»¹⁵. Такой взгляд на социальную роль конституционного акта вполне возможен, если право в целом рассматривать как активный созидательный элемент в политико-социальном взаимодействии.

Конституция как действующий законодательный акт не может и не должна игнорировать наличие или отсутствие в государстве реальных возможностей, институций, механизмов для того, чтобы конституционно-правовой потенциал был реализован. В чем тогда состоит предназначение конституции, если она определенно и однозначно выражена в понятийном отношении, но не отражает действительную сущность политического и социального бытия государства? Нужно признать, что фактический смысл конституции часто зависит от того, какое материальное содержание в правовой арсенал государства вносится текущим законодательством. Известно, например, что демокра-

тические идеологические установки основного закона и демократический правовой порядок в стране суть разные вещи. Юридические нормы конституционного правопорядка, такие как демократия, подчинение праву, социальная направленность государственной политики, если они остаются только на бумаге, отнюдь не добавляют политического веса основному закону и не способны повысить его влияние на политико-социальные процессы, происходящие в общественной жизни.

Социальное или правовое в большинстве случаев могут выступать лишь как идеальные характеристики государства. Государства независимо от уровня развития необходимо создают распространенную систему институций и механизмов для обеспечения правопорядка и определенных социальных условий жизни. Элементы «социальности» нетрудно увидеть даже в условиях «военной демократии» раннеорганизованных обществ. А черты «правового» в государстве затруднительно установить с использованием исключительно нормативного инструментария, поскольку все основные характеристики правового государства имеют преимущественно оценочную окраску. Например, верховенство закона. А что реально, а не формально понимается под законом в известный период времени в данном обществе – не ясно. Или другой пример – закрепленная гарантированность государством прав и свобод человека. А что выступает «гарантией» такой «гарантированности» со стороны государства? Или как в понимании «социального государства» учитывается неизбежная социальная асимметрия?

Конституциям приписывают еще одну важную характеристику – ее устойчивость. Однако конституциям, которые не ограничиваются указанием на общие принципы государственной организации и правовой системы («развернутым» конституциям, в отличие от кратких, по типологии В.В. Маклакова¹⁶), как правило, уготована менее долгая жизнь. Установление в текстах основных законов

¹⁵ Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. – М., 1981. – С. 72. [Khesse, K. Osnovy konstitutsionnogo prava FRG (Basics of Constitutional Law of Germany). Moscow, 1981. P. 72.]

¹⁶ См.: Маклаков В.В. Конституционное право зарубежных стран. – М., 2006. – С. 82. [Maklakov, V.V. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran. Obshchaia chast' (Constitutional Law of Foreign Countries. General Part). Moscow, 2006. P. 82.]

параметров социальных отношений, характеристик экономического бытия, прав и свобод человека на уровне конституционных норм, а не принципов, несколько раздвигает рамки собственно конституционного регулирования и делает конституционные нормы более уязвимыми с точки зрения стабильности.

Вообще в праве утвердилась идея, что нормы закона – тем более, если это нормы основного закона, когда они введены и успешно применяются, не должны изменяться произвольно: логика однажды начатого действия требует завершения. Если получена необходимая санкция и начали реализовываться законодательные нормы, то отказ от их дальнейшего применения со стороны санкционировавшей их власти не может быть проведен без каких бы то ни было объяснений. Правила, наделенные высшей юридической силой, лишают власть возможности явственно выражать иные предпочтения. Нормы морали, нравственные ожидания тех, кому юридические нормы адресованы, делают необходимым всякое их изменение или отказ от них обосновывать, убедительно мотивировать. Это в равной мере относится как к текущим законодательным нормам, так и к конституционным.

Вместе с тем именно конституционные принципы должны задавать тон всего текущего законодательства, становиться поводом для широкого обсуждения любых правовых новелл и – если необходимо – основанием для поиска компромиссов во избежание прямого несоответствия между конституционными принципами и текущим правовым регулированием. Если же центром политической и общественной дискуссии становятся не конституционные принципы, а предполагаемые (проектируемые) правила текущего регулирования, то принятые таким образом правила довольно легко перестают быть оправданными исходя из тех принципов, которые признавались первоначально и на которых эти правила должны были основываться. В таком случае возникает потребность переосмыслить принципы, а часто – необходимость заменить их на новые¹⁷.

¹⁷ Troper, Michael. Transformations of European Constitutional Culture: Constitutional Culture. Ed. by M. Wyrzykowski. Warsaw, 2000. P. 18.

Устойчивость основного закона в практическом преломлении – это вопрос о юридической возможности его изменения, об отнесении его в специфически классифицирующей системе к разряду «жестких». Существующие в разных государствах конституции дают примеры как многолетней неизменности текстов основных законов, так и другие¹⁸. Конституции во многих государствах фиксируют этапы политико-правового развития, как, например, ныне действующая во Франции Конституция Пятой Республики или конституции (или основные законы) в России, которые исторически становилась итоговым политическим документом, определяющим факт и перспективы государственной эволюции (в 1918, 1925, 1937, 1978 гг.).

В настоящее время свойство устойчивости основного закона на российской правовой почве порождает как в общетеоретическом, так и в практическом плане проблему сохранения неизменности содержания конституции – сохранности ее «принципов, целей, ценностей, институтов и процедур»¹⁹. Имеется ли практическая необходимость в пересмотре конституции, создававшейся в эпоху остро стоящих общественных противоречий? Требуются ли для юридического сопровождения современной политико-правовой действительности конституционные новации? Повлечет ли пересмотр конституции одновременно пересмотр закрепленных в ней норм о правовом и социальном государстве? От ответа на эти вопросы зависит также и ответ на другой вопрос: российский

¹⁸ Классическим примером сохранения основного закона в приближенном к первоначальному тексту виде выступают Соединенные Штаты Америки, где принятая в 1787 г. Конституция за более чем двухсоттридцатилетнюю историю была изменена и дополнена статьями, внесенными 27 поправками (одна из которых (1919 г.) в 1933 г. была отменена).

¹⁹ Князев С.Д. Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 5. [Knyazev, S.D. Stabilitnoct Konstitucii I eyo znachenie dlya sovremennogo rossiyskogo konstitucionalizma (The Stability of the Constitution and Its Significance for the Modern Russian Constitutionalism) // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2015, No. 1, pp. 4-12.]

основной закон – это нормативный правовой документ или юридический символ государственной суверенности? А также и такой: насколько радикально пересмотр конституции способен будет изменить политическую и общественную жизнь? Как показала российская история, если действующие конституционные нормы перестают быть препятствием для реализации политически или как-либо иначе оправдываемых намерений административной власти, не соответствующих правилам, закрепленным в основном законе, то последующее распространение беззакония приобретает катастрофические масштабы.

При всем своеобразии конституции как нормативного правового акта, она призвана юридически определять общие направления для формирования правоотношений в обществе, а отнюдь не должна выступать только компендиумом политических идей. Прогрессивные установки и устремления государства в виде некоей общенациональной идеи – глубоко осмысленной, социально разумной, всенародно принятой – вполне могут быть буквально воплощены как важнейшие принципы, положенные в основу государственной политики. Такой подход позволяет вполне определенно выявлять позиции и соотношение между конституционной концепцией и конституционной нормой. Из новейших немало конституций именно как общенациональную идею или как базовый конституционный принцип объявляют в преамбуле «свою решимость создать демократическое, правовое и социальное государство» (Конституция Болгарии 1991 г.), «стремясь к открытому, справедливому, гармоничному гражданскому обществу и правовому государству» (Конституция Литвы 1992 г.), с категоричной целью выступать в будущем «как свободное и демократическое государство, основанное на уважении прав человека и принципах гражданского общества» (Конституция Чехии 1992 г.²⁰), базируясь на «принципах верховен-

ства демократии, социальной справедливости и права» (Конституция Турецкой Республики Северного Кипра 1983 г.).

Представляется, что и с нормативно-юридической стороны идеалы и устремления государственно-правовой жизни целесообразнее обосновывать как базовые принципы, фиксировать как программируемые процессы, целенаправленно формировать параметры социальных перспектив и по мере создания соответствующих условий преобразовывать их в устойчивые тенденции посредством текущего законодательства. Реализация подобного подхода если не гарантирует, то во всяком случае создает определенные препятствия для конверсии конституции в общественном сознании из непосредственно действующей в действующую с явным отклонением от реально установленных конституционных юридических норм.

Литература:

- Алешкова И.А., Власова Т.В.* Конституционное предписание как правовая категория // Государство и право. – 2018. – № 6. – С. 82-87.
- Кистяковский Б.А.* В защиту права. (Интеллигенция и правосознание) / Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. – М., 2007. – С. 169-202.
- Князев С.Д.* Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 4-12.
- Ковлер А.И.* Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. – М., 1997. – 102 с.
- Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России). – М., 2013. – 592 с.
- Маклаков В.В.* Конституционное право зарубежных стран. – М., 2006. – 868 с.
- Нерсесянц В.С.* Конституционная модель российской правовой государственности: опыт прошлого, проблемы и перспективы / Правовое государство, личность, законность. – М., 1997. – С. 3-39.
- Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ. – М., 1981. – 368 с.
- Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В.Н. Садиков; под ред. проф. З.М. Черниловского. – М., 1994.
- Четвернин В.А.* Демократическое конституционное государство: введение в теорию. – М., 1993. – 141 с.
- Чиркин В.Е.* Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. – 1995. – № 8. – С. 65-73.
- Troper, Michael.* Transformations of European Constitutional Culture: Constitutional Culture. Ed. by M. Wyrzykowski. Warsaw, 2000. Pp. 11-24.

²⁰ Справедливости ради стоит отметить, что помимо этого программно-указательного в преамбуле Конституции Чехии, в статье 1 как конституционная норма закреплено, что «Чешская Республика является суверенным, единым и демократическим правовым государством, основанным на уважении прав и свобод человека и гражданина».

Regulation as a Legal Category) // *Gosudarstvo i pravo*, 2018, No. 6, pp. 82-87.

Chetvernin, V.A. Demokratischeskoe konstitutsionnoe gosudarstvo: vvedenie v teoriyu (Democratic Constitutional State: an Introduction to the Theory). Moscow, 1993. 141 p.

Chirkin, V.E. Legalizatsiia i legitimatsiia gosudarstvennoi vlasti (Legalization and Legitimation of State Power) // *Gosudarstvo i pravo*, 1995, No. 8, pp. 65-73.

Khesse, K. Osnovy konstitutsionnogo prava FRG (Basics of Constitutional Law of Germany). Moscow, 1981. 368 p.

Khrestomatiya po vseobshchey istorii gosudarstva i prava / Comp. by V.N. Sadikov; Ed. by Z.M. Chernilovsky. Moscow, 1994.

Kistiakovskii, B.A. V zashchitu prava. Intelligentsiia i pravosoznanie (In Defense of the Law. Intellectuals and Sense of Justice) / Vekhi: Sbornik statey o russkoy intelligentsii. Moscow, 2007. Pp. 169-202.

Knyazev, S.D. Stabilnoct Konstitucii I eyo znachenie dlya sovremennogo rossiyskogo konstitutsionalizma (The Stability of the Constitution and Its Significance for the

Modern Russian Constitutionalism) // *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2015, No. 1, pp. 4-12.

Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii: ot obraza budushchego k real'nosti (k 20-letiiu Osnovnogo Zakona Rossii) (The Constitution of the Russian Federation: from the Image of the Future to Reality: to the 20th Anniversary of the Russian Basic Law). Moscow, 2013. 592 p.

Kovler, A.I. Krizis demokrati? Demokratiia na rubezhe XXI veka (The Crisis of Democracy? Democracy at the Turn of the XXI Century). Moscow, 1997. 102 p.

Maklakov, V.V. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran. Obschchaia chast' (Constitutional Law of Foreign Countries. General Part). Moscow, 2006. 868 p.

Nersisants, V.S. Konstitutsionnaia model' rossiiskoi pravovoi gosudarstvennosti: opyt proshlogo, problemy i perspektivy (The Constitutional Model of the Russian Legal Statehood: Past Experience, Problems and Prospects) / *Pravovoe gosudarstvo, lichnost', zakonnost'*. Moscow, 1997. Pp. 3-39.

Troper, Michael. Transformations of European Constitutional Culture: Constitutional Culture. Ed. by M. Wyrzykowski. Warsaw, 2000. Pp. 11-24.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10025

POLITICAL ATTRIBUTES OF CONSTITUTION AND CONSTITUTIONAL ATTRIBUTES OF STATES

Evgeniya Yurtaeva

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 14.01.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 20.05.2019</p>	<p>Abstract: The article presents an analysis of the political value and social purpose of constitutions as a result of the historical evolution of states and a method of fixing the prospects for political and social development. In particular, questions are raised about the nature of the constitutional act in autocratic states and its social perception. The constitutional characteristics of the constitutional state of rights and justice and social state are subjected to detailed analysis, and their significance is assessed either, in first, as a principle, as a supreme value or a nationwide idea of political development or, in second, as a constitutional legal norm. The author draws attention to the fact that differently formulated constitutional provisions do not give rise to conceptual differences in the law-constitutional practice of states. It has also been noted that not every state that realistically and routinely ensures the rule of law and recognizes the inherent duty of the state to guarantee unconditional basic income as a guarantee of a decent life for citizens, is determined itself constitutional state of rights and justice and social state in its constitution. An important indicator of progressive political and legal development the author sees in the stability of the constitution and legislation. The author believes that there are much more legal grounds for describing the state as constitutional state of rights and justice and social state in constitutions in the form of principles – organizational ideas for creating appropriate conditions, and not as constitutional norms.</p>
<p>About the author: Senior Researcher, Assistant Professor, G.V. Maltsev Department of Theory of State and Law</p> <p>e-mail: yurtaeva-ea@ranepa.ru</p>	
<p>Key words: constitutional act; constitutional order; legal personality; ideals of law; constitutional state of rights and justice; social state; democracy; stability of the constitution; the actual meaning of the constitution</p>	

Для цитирования: Юртаева Е. Политические свойства конституции и конституционные свойства государств // *Сравнительная политика*. – 2019. – №3 – С. 7-14.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10025

For citation: Yurtaeva, Evgeniya. Politicheskiye svoystva konstitutsii i konstitutsionnyye svoystva gosudarstv (Political Attributes of Constitution and Constitutional Attributes of States) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 7-14.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10025